

О.Л. Довгий (Москва, Россия)

«Опасный» Кантемир

Аннотация: Статья посвящена мало исследованному аспекту творчества Кантемира – отношениям с высочайшей цензурой. В 1852 г. А.Ф. Смирдин решил переиздать том сочинений Кантемира и Хемницера, вышедший в 1847 г. в серии «Полное собрание русских авторов». В.И. Стасов в 1903 г. опубликовал в журнале «Русская старина» все подробности прохождения тома через цензуру, раскрыл всю цензурную «кухню». Все аргументы «за» и «против» публикации абсолютно универсальны и могут многое объяснить в сложной издательской судьбе сочинений Кантемира. Кульминацией является безапелляционная резолюция императора Николая I на тщательно выверенное цензурное представление. Исполненные ненависти слова монарха в адрес писателя, отделенного от него двумя веками, — свидетельство непреходящей актуальности сатир Кантемира.

Ключевые слова: А.Д. Кантемир, цензура, Николай I

O.L. Dovgy (Moscow, Russia)

“Dangerous” Cantemir

Abstract: The paper is devoted to a facet of Cantemir’s works that didn’t strike eye of the learned world – his relationship with the highest censorship. In 1852 A. Smirdin decided to republish the volume of Cantemir and Chemnitser’s volume, published in 1847 in the series “Complete Collection of Russian Authors”. The article presents the entire censorship “kitchen” in connection with the alleged publication. All the arguments “pro” and “contra” are absolutely universal and can explain a lot in the complex publication life of Cantemir’s works. The culmination is the peremptory resolution of Emperor Nicholas I, a carefully verified censorship presentation on the works of Cantemir. The hateful words of the monarch about the writer two centuries distant from him testify to the relevance of Cantemir’s satire.

Key words: Antiochus Cantemir, censorship, Nicolas I

Определение публикационной судьбы Кантемира как сложной давно стало аксиоматичным, причем с сильным литотным налетом. Первое русское издание сатир появилось в 1762 г., спустя 18 лет после смерти автора. Интервал между первым и вторым изданием оказался длиной в 74 года: в 1836 г. Д.Н. Толстой-Знамен-

ский открыл сочинениями Кантемира серию «Русские классики». На Кантемире этот проект и завершился¹. Спустя еще 11 лет А.Ф. Смирдин в серии «Полное собрание русских авторов» издал под одной обложкой произведения Кантемира и Хемницера. Как не отметить очередной пример иронии судьбы в отношении Кантемира: в «Русских классиках» он оказался единственным опубликованным автором (читай: единственным «русским классиком»), а в «Полном собрании русских авторов» для него не нашлось отдельного тома (и, строго говоря, русскими – в чисто формальном, национальном отношении – ни Кантемир, ни Хемницер не были; возможно, этот фактор в какой-то мере способствовал их объединению)². Том был допущен к печати цензором А.В. Никитенко – о чем имеется соответствующая запись.

Судя по всему, том имел успех, и в 1851 г. Смирдин решил его переиздать. Но это была уже другая эпоха – «эпоха цензурного террора» (определение К. Лемке). Прошлого цензурного разрешения для нового издания оказалось мало. О новой встрече Кантемира с цензурой и пойдет речь в статье. Наш рассказ основан на публикации В.В. Стасовым в «Русской старине» в 1901–1904 «с высочайшего соизволения» материалов под общим заглавием «Цензура в царствование императора Николая I», собранных еще в конце 50-х гг. XIX в. Комиссией под председательством М.А. Корфа, в которых автор познакомил читателей с закрытыми прежде материалами деятельности цензурных Комитетов – фактически приоткрыл цензурную кухню.

Среди многочисленных эпизодов, связанных с прохождением через цензуру сочинений русских авторов, находим и описание попытки переиздания Смирдиным сочинений Кантемира. Эта история не привлекала внимания, поэтому напомним о ней.

14 августа 1851 г. министр народного просвещения князь П.А. Ширинский-Шихматов представил в докладе государю информацию о желании книгопродавца переиздать том Кантемира и Хемницера и поделился сомнениями, возникшими у цензора «относительно позволительности некоторых мест в обоих авторах». «Сомнения» цензора в отношении Кантемира сводились к следующим пунктам: «1) Сарказмы на духовенство, монашество и высший иерархический сан, которые можно извинить только тем, что они относятся к отдаленному времени, не составляя современной сатиры; 2) шутки и остроты над такими предметами, в применении к которым шутка или острота делается более или менее непозволительною выходкою и даже кощунством; 3) нескромные площадные выражения, употребление которых в обществе и литературе нашего времени принимается за нарушение приличия» [Стасов 1903: 178].

Казалось бы, все перечисленное – это страшные грехи с точки зрения цензуры, требующие безусловного запрещения издания. Почему же в цензурных документах фигурирует слово «сомнение»? Публикация Стасова дает нам возможность увидеть ход мысли цензора: сочинения эти, конечно, вредные, но хорошо известные публике. Вымарывание каких-то строк только прибавит популярности прежним изданиям: «Так как эти сочинения выходили многими изданиями и тысячами обращаются с давнего времени в публике, то цензор затруднился в строгом при-

¹ Опыт, признанный всеми критиками неудачным и, безусловно, повлиявший на читательскую судьбу Кантемира. См.: Довгий О.Л. Как Кантемир оказался единственный «русским классиком» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология (в печ.).

² А вообще было бы интересно посмотреть на сочинения этих авторов в параллельном прочтении. Темы «Кантемир и Хемницер» пока нет. Пусть ключевым будет слово «пока».

менении к ним правил о рассматривании печатных книг наравне с новыми рукописями. Он осмеливается думать, что исключения и перемены в таких книгах, которыми пользовались целые поколения, могут вызвать более вреда, нежели пользы, потому что места, несогласные с требованиями цензуры, будучи выпущены в новом издании, делают сами по себе лучшими указателями для приискания их в старых экземплярах, которые изъять из употребления нельзя; а чрез то и самые идеи, составляющие отступления от цензурных правил, становятся гласными и видными, быв до того времени, по крайней мере, для многих, совсем незаметны. С другой стороны, допущение пропусков и перемен в произведениях писателей, стяжавших общее уважение и заслуженный авторитет, представляется почти равносильным запрещению печатать их новыми изданиями. Никто не предпринимает нового издания старых книг, без расчета на вознаграждение за употребляемый на него труд и капитал; но расчет на издание с пропусками и переменами самый неверный. Экземпляры такого издания на столько же потеряют цену и доверие в публике, на сколько чрез них именно приобретут старые экземпляры прежних изданий, хотя бы и менее удовлетворительных в других отношениях» [Стасов 1903: 179].

С.-Петербургский попечитель согласился с соображениями цензора «не усиливать влияния этих мест, делая их посредством исключения более заметными», и счел возможным публикацию, вымарав у Кантемира одну-единственную вещь – «Эпиграмму на икону Св. Петра» [Стасов 1903: 179].

В своем представлении Ширинский-Шихматов отметил универсальность ситуации: подобные сомнения могут возникать и в отношении других известных русских авторов, – таким образом, стратегия, предлагаемая в отношении Кантемира, должна стать общей. Мы много раз писали о том, что к Кантемиру часто применяли слово «первый». Вот и еще одна сфера – политика цензуры.

Ширинский-Шихматов: «Имея в виду, что представленный к цензору том сочинений Кантемира и Хемницера принадлежит к изданному Смирдиным “Полному собранию сочинений русских авторов” и что недоумения, подобные встреченным ныне, должны непременно возникнуть и при возобновлении издания других известных наших писателей, например, Державина, Фонвизина и даже Крылова, я считаю необходимым постановить, для надлежащего на будущее время руководства, некоторые общие на этот конец правила: 1) предоставить главному управлению цензуры, при рассмотрении донесений цензурных комитетов о сомнительном содержании некоторых мест в полных собраниях сочинений известных наших писателей, пользующихся общим уважением, оказывать рассудительное снисхождение к применению, к содержанию их цензурных правил с принятием в соображение времени первоначального выхода произведений их в свет, тогдашних внешних и внутренних политических обстоятельств, слога и языка, которым эти произведения написаны, большей или меньшей занимательности их, вероятного числа и состояния читателей оных в настоящее время и, наконец, тех впечатлений, которых ожидать должно от чтения сих творений в пределах нынешнего их обращения, различая сочинения, относящиеся к легкому чтению и доступные большому числу читателей, от тех, которые читают только люди, посвятившие себя подробному изучению нашей литературы; 2) заключения главного управления цензуры о всех подобных случаях, с изъяснением причин предполагаемого снисхождения, представлять через министра на высочайшее благоусмотрение; 3) на основании сих правил рассмотреть и разрешить представление С.-Петербургского попечителя о сочинениях Кантемира и Хемницера, имея в виду, что са-

тиры первого относятся к нравам и обычаям его времени, во многом уже изменившимся; и что устаревший способ выражения и силлабический размер употребленных им стихов, несоответственный свойству отечественного нашего языка, будут постоянно препятствовать сочинениям его иметь значительное число читателей» [Стасов 1903: 180].

Итак, найдены «помощники» в превращении Кантемира в безопасного автора: 1) отдаленность во времени (она позволяет представить пороки, о которых говорит Кантемир, изжитыми); 2) старинный слог (он отвратит читателей, которые в большинстве своем должны быть, по мнению цензуры, ленивы и нелюбопытны).

Предположения эти высочайше утверждены 11 августа 1851 г.

Однако на этом дело не кончилось. Генерал-лейтенант Л.В. Дубельт в особом мнении изложил, что «никакие рассуждения не могут быть достаточны, чтобы перенести в новое издание тех выражений князя Кантемира, которые в старом издании замечены цензором, они все должны быть исключены» [Стасов 1903: 180]. Получается, не спасает отдаленность времени; не все пороки искоренены. И прав был старик Державин: «Старинный слог его достоинств не умалит...».

После рассмотрения вопроса в главном управлении цензуры Ширинскому-Шихматову 9 марта 1852 г. вновь пришлось обратиться к государю с докладом, чтобы уже гораздо подробнее изъяснить свои аргументы: «...главное управление, рассмотрев все приведенные выше места отдельно и приступив к общему заключению, находило, что если бы сочинения Кантемира появлялись в первый раз и имели целью осмеяние современных нам нравов и обычаев, в таком случае, сообразно с строгостью действующих ныне цензурных постановлений, без сомнения, большая часть внесенных в выписку мест подлежала бы запрещению. Но как высочайше предоставлено главному управлению цензуры, при рассмотрении полных собраниях известных наших писателей оказывать рассудительное снисхождение в применении к ним цензурных правил, на изложенном выше основании, то оно обязано было принять в уважение: а) что стихотворения Кантемира напечатаны были первоначально за 120 лет¹; б) что они непосредственно относятся к нравам и обычаям того времени и очень мало могут иметь применения к настоящему; в) что обветшалый способ выражения, тяжелый слог и силлабический размер стихов этого писателя, несообразный со свойствам русского языка, будут постоянно препятствовать сочинениям его иметь значительное число читателей. Можно утвердительно сказать, что стихотворения его не будут обращаться в руках образованных лиц женского пола, детей и даже грамотных лиц низшего сословия; г) что по всем им причинам нельзя ожидать невыгодных впечатлений от сочинений Кантемира в весьма ограниченном кругу просвещенных читателей, которые из любознательности или из любопытства захотят ознакомиться с его произведениями. Читатели этого разбора будут уметь перенестись мыслью его времени и к тогдашнему положению общества, которого пороки он описывает, и охотно простят ему даже и преувеличения, на что некоторым образом давало ему право и само свойство сатиры. С другой стороны, главное управление не могло упустить из виду, что замена в стихотворениях одних выражений другими, весьма затруднительная если не совсем невозможная для цензуры, будет во всяком случае замечена читателями в новом их издании. То же самое произойдет непременно и при выпуске целых стихов, не говоря уже о том, что последняя мера должна по необходимости разрушить связь и последовательность изложения, а иногда и совершенно затемнить

¹ Это нарочитое прибавление: с 1762 до 1852 прошло 90 лет.

смысл. Наконец, как справедливо заметил и цензор, перемены и исключения в таких книгах, которыми пользовались целые поколения, могут произвести более вреда, нежели пользы, потому что места, не согласные с требованиями цензуры, будучи выпущены или даже только изменены в новом издании, делаются сами по себе лучшими указателями соответствующих им мест в старых изданиях, которых нет возможности изъять из обращения; а чрез то и самые идеи, составляющие отступление от строгости цензурных правил, становятся гласными и видными, быв до того времени, по крайней мере, для многих, вовсе незаметными. При таких обстоятельствах главное управление цензуры, пользуясь высочайше предоставленным ему правом оказывать снисхождение, определило: 1) разрешить новое издание сочинений Кантемира, не изменяя текста стихотворений его, с исключением только “Эпиграммы на икону Св. Петра”, которая влагает в уста этого апостола слова, не соответствующие его священному характеру. Состоя только из четырех стихов и не имея никакой связи ни с предыдущим, ни с последующим, эпиграмма эта может быть выпущена без всякого неудобства; 2) в посвящении императрице Елизавете Петровне стихотворений Кантемира сделать, после титула, следующие дополнения: “при всеподданнейшем поднесении первых двух сатир, потому что в 3-й и последующих затем сатирах уже встречаются нескромные выражения, несовместные с высокою честью посвящения всей книги августейшему ее имени”; 3) в примечаниях к стихотворениям Кантемира, которые составляют только приложения к тексту, исключить все, что не соответствует строгости цензурных правил, по сделанному в главном управлении цензуры особому указанию» [Стасов 1903: 181].

В этом разъяснении – в пункте б) – открыто проведен принцип разделения читательской аудитории, о котором прекрасно знал Кантемир:

Чувствую сам, что тогда в своей воде плаваю
И что чтецов я *своих* [выделено нами. – О.Д.] зевать не заставляю...
[Кантемир 1956: 212].

По мнению цензуры, число людей, которые не будут зевать, читая Кантемира, очень мало. Из потенциальных читателей автоматически исключают «образованных лиц женского пола, детей и даже грамотных лиц низшего сословия». Легко можно догадаться, что «чтецы» Кантемира – это как раз те, о ком он писал в первой сатире:

Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна мраморами саду;
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду...
[Кантемир 1956: 57].

На этом примере видно, как по-разному можно использовать один и тот же аргумент. Кантемир малое число читателей толкует в пользу их избранности, их особой ценности; это тот золотник, что мал, но дорог. А цензура использует этот аргумент в доказательство непопулярности, следовательно, малой опасности от сочинений этого автора.

Но, с другой стороны, нельзя ничего безнаказанно убрать из сочинений этого непопулярного автора, так как читатель сразу заметит. Так что в цензурном изъяснении «противоречий очень много» Если автор непопулярен и не читаем, то стоит ли бояться что-то безнаказанно и вычеркнуть? Получается, что стоит.

Но самого большого внимания заслуживает пункт 4): «при таком снисхождении цензуры, чтобы число читателей Кантемира ограничивалось только людьми,

посвятившими себя подробному изучению нашей литературы, стихотворения его не соединять, как это было сделано в последнем издании, в одном томе с стихотворениями Хемницера, которые, составляя легкое и приятное чтение, могут обращаться в руках всякого рода читателей и преимущественно детей» [Стасов 1903: 181].

Вот это решение революционное: Кантемира не стоит соединять с другими авторами! По сути, это признание уникальности читательского пути Кантемира.

Итак, что показало изучение цензурной кухни?

Кантемир не прост: оппозиция «казалось / оказалось» проявляет себя в полной мере. Казалось бы, очень давний автор, отсутствие актуальности, «обветшалый слог», малое число читателей (да и те из числа не вызывающих доверие) – какая от него опасность? А оказалось – нельзя ни строчки незаметно удалить.

Цензурное донесение о Кантемире следует отнести к золотому фонду документов. Время не прибавило новых аргументов и не стерло старых.

Все-таки цензура учитывает механизм читательского интереса и грамотно редактирует свои тексты. В первом варианте были формулы, которые, чего доброго, могли не отвратить, а возбудить любопытство, даже у женщин и детей – «сарказмы на духовенство», «непозволительные шутки», «площадные выражения», etc. Поэтому в дальнейших редакциях их место занимает пункт о том, что сочинения написаны в очень давние времена и к нашему времени применения иметь не могут. А самое главное – пункт про трудный непонятный слог. Вот через этот заслон ни один разумный человек пробираться не станет. Эти железные копыя надежно охраняют доступ к Кантемировым стихам.

С годами ничего не меняется: все больше времени отделяет нас от Кантемира и слог его делается все более непонятным. А удел смельчаков, которых не пугают железные копыя, – «в тихом своем углу молчалив таиться». Кантемир – прекрасный пророк.

Но мы не сказали самого интересного.

На этот тщательно подготовленный цензурный доклад последовала 11 марта 1852 г. высочайшая резолюция: «Согласен; но по моему мнению, сочинений Кантемира ни в каком отношении нет пользы перепечатывать, пусть себе пылятся и гниют в задних шкапах библиотек, где занимают лишнее место».

Николай не любил литературу. Это аксиома. Но получается, что Кантемира он не любил особенно сильно, – иначе говоря, за что-то выделял.

Вот такое дополнение к теме «Поэт и царь», которую русской поэзии подарил все тот же Кантемир.

Как не вспомнить финальные строки статьи Л.В. Пумпянского: «Заслуга Кантемира достаточно измеряется силой этой посмертной ненависти к его труду» [Пумпянский 1941: 212].

ЛИТЕРАТУРА

Стасов В.В. Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. Т. 116. С. 165–183.

Кантемир А.Д. Собр. стихотворений / Вступит. ст. Ф.Я. Приймы; подгот. текста и примеч. З.И. Гершковича. Л.: Сов. писатель, 1956. (Б-ка поэта. Большая серия). 540 с.

Пумпянский Л.В. Кантемир // История рус. литературы: В 10 т. Т. 3: Литература XVIII века. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 176–212.

REFERENCES

Stasov V.V. Censorship during the Reign of Emperor Nicholas I. *Russkaya Starina*. 1903. Vol. 116, pp. 165–183.

Kantemir A.D. Collection of Poems / Eds.: F.Ya. Priyma, Z.I. Gershkovich. Leningrad. Sovetsky Pisatel Publ. 1956. 540 p.

Pumpyansky L.V. Kantemir. In: History of Russian Literature: In 10 vols. Vol.3: Literature of the 18th century. Part. 1. Moscow; Leningrad. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1941, pp. 176–212.

Сведения об авторе:

Ольга Львовна Довгий,
доктор филол. наук
ст. научный сотрудник
факультет журналистики
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga L. Dovgy,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Faculty of Journalism
Lomonosov Moscow State University
olga-dovgy@yandex.ru